

УДК 821.111

**ОСОБЕННОСТИ СЮЖЕТНОГО СТРОЕНИЯ
РОМАНА О. ГОЛДСМИТА «ВЕКФИЛЬДСКИЙ СВЯЩЕННИК»****А.А. ЗИМНИЦКАЯ***(Представлено: канд. филол. наук, доц. Д.А. КОНДАКОВ)*

Рассматривается роман О. Голдсмита «Векфильдский священник» (The Vicar of Wakefield, 1766). В статье анализируется сюжетостроение произведения английского сентименталиста. Особенностью романа является синтез разнообразных стилистических приемов. Описываются композиционно-стилистические особенности романа, в котором находит взаимодействие субъектно-речевая, композиционно-сюжетная и пространственно-временная организация текста. В качестве методологической основы используется теория Б.М. Эйхенбаума. Словесная ткань произведения приобретает ведущую роль в движении сюжетной линии. Повествовательная рама объединяет шесть вставных эпизодов, которые дают возможность писателю расширить пространство романа на идейном, композиционном и стилистическом уровнях. Проводится анализ сюжетных функций «жанровых инноваций» О. Голдсмита – баллады, басни, притчи и элегии, включенных в текст романа.

Подходы к интерпретации понятия «сюжет» на разных этапах развития литературы отличались своим разнообразием. Это позволяет по-разному подойти к толкованию самого произведения и более подробно рассмотреть его стилистические особенности.

Особый интерес для данной работы представляет статья российского и советского литературоведа Б.М. Эйхенбаума «Как сделана «Шинель» Гоголя». Литературовед обращает внимание на то, что сюжет можно рассматривать не только как цепь событий, изображенных в произведении и сменяющих друг друга. Сюжет представляет собой более обширный элемент литературного произведения, который можно рассматривать как сочетания самых разнообразных языковых средств выразительности.

Следует обратиться к английскому роману XVIII века, поскольку именно в этот период развития литературы писатели начинают постепенно отходить от классического понимания сюжета, начинают иначе смотреть на литературу. Роман XVIII века отличался разнообразием тематики и идейного содержания, отражал авторский ход мысли и его отношение к действительности, давал свободу автору в использовании стилистических приемов, подчинялся различным новаторствам, экспериментам в области содержания, формы и сюжета.

Восприятие романа как жанра с богатейшими художественными возможностями воплощается в творчестве О. Голдсмита. Его роман «Векфильдский священник» (*The Vicar of Wakefield, 1766*) является образцом поэзии семейного очага, с её непреходящими радостями и трагикомическими неудачами, написанном в духе сентиментализма. Роман О. Голдсмита построен на спокойном бытописании, задумчивой рефлексии и мягком игривом юморе. В то же время автор разрабатывает способы, с помощью которых он усложняет сюжет произведения. Это усложнения заключаются в соединении разных стилей и включении в текст романа разных жанровых элементов.

Эксперименты О. Голдсмита со стилем и содержанием романа начинаются с самой композиции. О. Голдсмита отличает краткость и лаконичность подачи материала. Содержание и размер каждой главы тщательно обдуман писателем. Автор не перегружает главы событиями, чтобы сконцентрировать внимание читателя на одном конкретном происшествии, о котором рассказывается в определенной главе. Каждой главе О. Голдсмит даёт подзаголовки, которые не только кратко передают события, но и зачастую звучат как наставление: «В конечном итоге оказывается, что человек сам является творцом своего счастья»³⁵ (Здесь и далее перевод Т. Литвиновой, кроме особо указанных случаев) [4, с. 389]; «Даже при самом скромном достатке возможно счастье, ибо оно заложено в нас самих и не зависит от внешних обстоятельств»³⁶ [4, с. 394]. Автор исследует помыслы, поведение и поступки персонажей, их реакции на события, встречающиеся на их жизненном пути. А полученный героем жизненный урок выражается в подзаголовке. Такой приём даёт возможность на конкретном примере проследить как мысль, изложенная в заглавии, может реализовываться в жизни. Такие подзаголовки образуют парадигму основных философских проблем романа [8, с. 15].

Фон романа можно разделить на две составляющие: идиллическая пастораль и соответствующая ей жизнь на лоне природы, с особым вниманием к быту, пространство у семейного очага, с особой атмосферой любви и взаимопонимания, и разворачивающаяся на фоне авантюрного или бытового романа, дра-

³⁵ «The fortunate circumstances of our lives are generally found at last to be of our own procuring» [13, p. 11].

³⁶ «A proof that even the humblest fortune may grant happiness, which depends not on circumstances, but constitution» [13, p. 14].

ма Примрозов, ведущая их от счастья к несчастью и наоборот. Вместе с тем в финале О. Голдсмит снова возвращает читателя в исходную точку прочитанной истории, где герои снова образуют уютный кружок вокруг камина: «Теперь уже ничего не оставалось желать на этом свете – горести мои окончились, радость была несказана. Отныне у меня одна-единственная забота: быть столь же благодарным в счастье, сколь смирен я был в беде!»³⁷ [4, с. 540].

Помимо этого, автор-повествователь, рассказывая о приключениях Дж. Примроза, варьирует стили отдельных отрезков этой большой истории. Автор использует историю странствия на просторах «внешнего» мира, которую можно назвать мини-романом в романе. Причём мотив «большой дороги» наблюдается не только в истории Джорджа – путешествует и все семейство, и священник, в поисках до-рогой Оливии.

Одним из обязательных элементов творчества О. Голдсмита является ирония. Ироническое начало сопровождает поступки героев на протяжении всего повествования. Оно проскальзывает сквозь проповеднические убеждения, которыми изобилует текст романа, сопровождает все высказывания персонажей и повествователя. Это подтверждает наличие в романе «сказа», который, согласно теории Б.М. Эйхенбаума, является ключевым элементом сюжета. Сказ, на котором строится весь роман, завуалирован под морализаторство и создаётся на основе речи добродетельных персонажей – Примрозов, приверженных патриархальной морали и религиозным нравственным принципам.

Незлобивая ирония над наивными страстями, сочетается с элементами лирического и драматического, юмористического или трагического характера, которыми обладают присоединённые к тексту вставные эпизоды. Таким образом, О. Голдсмит мастерски сочетает различные стили на протяжении всего романа. Сменяющие друг друга вставные эпизоды придают свойственное роману движение и придают резкий динамизм всему повествованию. Эти эпизоды отличаются от общего стиля повествования, имеют свою идею и задачу, а также наполняют его эмоциональной выразительностью, мастерски обрисовывают трогательность положений героев, варьируют стили романа. Стилизация произведения, сочетание различных стилистических приёмов, согласно Б.М. Эйхенбауму, является основой сюжета.

В середине XVIII в. в английской культуре четко наметился интерес к истории и фольклору. Многие литературные произведения приобрели новшества, характерные для народной баллады. Д.Г. Алилова в статье о поэзии О. Голдсмита отмечает, что «следы непосредственного влияния народной баллады прослеживаются в произведениях О. Голдсмита, относящихся к различным жанрам: в песне, в поэтическом сказании, в пародийной элегии» [1, с. 10]. Из этого следует, что повышенный интерес к фольклору, безусловно, не мог не отразиться на творчестве О. Голдсмита, которого привлекали в этом жанре простота, естественность, безыскусность и лаконизм. Также «<...> стихи так естественно, как необходимая часть входят в историю семейства Примрозов» [6, с. 296], – замечает А.А. Елистратова.

Так, идиллическая обстановка вначале подкрепляется балладой Берчелла. Используя традиции сентиментализма, О. Голдсмит акцентирует внимание именно на лирическом начале баллады, для того чтобы раскрыть душевное состояние героя. Он использует особую лексику, утверждая характерный для сентиментализма культ сердечной чувствительности («гостеприимный луч», «благо и покой», «благожелательное увеселение», «невинная чета»³⁸ (Перевод наш. – А.З.)) создаёт атмосферу таинственности, нагнетая экспрессию за счёт перечисления отдельных деталей. Проникнутая лиризмом судьба Мальвины и Эдвина – это история самого Уильяма Торнхилла, разочаровавшегося, скитавшегося по свету («мой одинокий путь», «одиноким и потерянным, ступаю я», «тяжкое горе было на сердце», «печальный гость», «растущая тревога», «несчастный юноша», «печали твоей души»³⁹ (Перевод наш. – А.З.)) в поисках истинной добродетели. Философско-назидательные рассуждения Примроза, его проповеднический образ жизни возвращают сэру Уильяму веру в существование высоконравственного начала в человеке. Бескорыстие и величие духа, сила чувствительного сердца, качества, которые являются основой человеческого счастья, он находит у священника. Вместе с тем смешной выглядит наивность Примроза, который не раз отмечает манеры, поведение, речи Берчелла, как не характерные для бедняка, и которого ни капли не удивляет то, что Берчелл всё знает о поместье и может всё рассказать о сэре Уильяме. И даже баллада, полная намёков, не вызывает у него никаких ассоциаций.

Последующие события «сентиментально-мелодраматического» характера, одно за другим преследующие семью Примрозов, имеют своей целью не просто развлечь читателя, но извлечь мораль и донести её до читателя. Не зря некоторые эпизоды злоключений семейства священника О. Голдсмит сопровождает вставками, стилизованными под проповедь, зачинщиком которых всегда был сам Примроз, поскольку никто иной, как священник должен рассказывать различные проповеди, аллегорические исто-

³⁷ «<...> I had nothing now on this side of the grave to wish for, all my cares were over, my pleasure was unspeakable. It now only remained that my gratitude in good fortune should exceed my former submission in ad adversity» [13, p. 100].

³⁸ «hospitable ray», «blessing and repose», gentle, «sympathetic mirth», «the harmless pair») [13, p. 21–23].

³⁹ «my lonely way», «... forlorn and lost I tread», «grief was heavy at his heart», «pensive guest», «rising cares» «unhappy youth», «the sorrows of thy breast») [13, p. 21–23].

рии, басни и поучения. К несчастью, проповеди эти никак не вяжутся с тем, как живет человек на самом деле. Невзгоды Примрозов подкрепляются басней о Карлике и Великане. Религиозная направленность семьи священника порой никак не вяжется с их образом жизни и поступками, отсюда и комизм, которым охвачена вся бытовая жизнь Примрозов. Жена, охваченная гордыней и тщеславием, все ещё верит в то, что наступит тот день, когда «мы <Примрозы> снова поднимем голову»⁴⁰ [4, с. 399]. Как Дебору Примроз, так и её двух дочерей не покидает «тайное влечение к роскоши» и стремление приобщиться к высшему обществу, а Примроз продолжает потакать прихотям жен и дочерей. Такая видимость умеренной и воздержанной жизни, за которой скрывается тщеславие и неумение обособиться от светского общества, вызывает лишь ироническую улыбку. Мораль О. Голдсмита подготавливается уже в словах Примроза: «<...> бесполезно тянуться за сильными мира сего и стараться удивить свет. <...> В неравном союзе всегда страдает слабейший: богатым достаются все радости, бедным – все неудобства такой дружбы»⁴¹ [4, с. 430]. Из этого суждения следует, что чрезмерная погоня за внешним лоском и мнимым величием не позволяет рассмотреть за маской «дружелюбия» и «бескорыстия» безобразные поступки, жертвой которых становится маленький человек. Басня о Карлике и Великане, с присущей ей добродушной иронией, лишь предупреждает, что может стать результатом чрезмерной доверчивости и попыток простого человека приобщиться к несоответствующему ему обществу. В главе XV Примрозы, приняв Берчелла за виновника своей беды, встречают его без свойственного им гостеприимства и осыпают огромным количеством язвительных притч. Эту атмосферу глумления и даже гнева резко нарушает притча о Грехе и Стыде. Содержание притчи сводится к тому, что только тому человеку, который способен раскаяться в своих поступках и здраво осмыслить свою вину, удаётся вернуться на путь истинной добродетели. Человек же порочный, неспособный к раскаению и состраданию, погрязший в пороках, не только гордится и хвастается ими, но и упорствует в них. Однако рассказывая эту притчу, Примроз заблуждается. Он не умеет распознать подлинное коварство, поэтому гнев его кажется смешным и необоснованным.

Чтобы дать читателю передышку после многочисленных лирико-драматических и поучительных эпизодов, следует забавная «Элегия на смерть бешеной собаки» Билла. Вместе с тем эта незатейливая элегия создаёт контраст для происходящих событий и подготавливает читателя к новым происшествиям в судьбе Примрозов. Под элегией в литературе следует понимать лирический жанр, стихотворение медитативного или эмоционального содержания (обычно печального) [9, стб. 1228]. Однако вместо свойственного этому жанру уныния, О. Голдсмит придаёт ей комическое звучание с лёгкой незлобивой иронией. Эта «воистину трагическая элегия» как бы приподнимает занавесу происходящих событий. Целью О. Голдсмита было не только развеселить, но и с лёгкой издевкой разоблачить злое начало в человеке. Смех его с одной стороны снисходителен, и немного печален с другой. Д.Г. Алилова пишет: «Тональность «элегических» стихотворений Голдсмита не элегическая, а, наоборот, жизнеутверждающая. Они полны бодрости и оптимизма, иронии и юмора. В целом, пародийные элегии Голдсмита представляют собой разновидность «смехового» жанра <...> Их цель – создание «смехового и критического корректива» <...>» [1, с.11].

В той части романа, где идет речь о падении Оливии комический сказ, о котором пишет в своей работе Б.М. Эйхенбаум, «внезапно прерывается сентиментально-мелодраматическим отступлением, с характерными приемами чувствительного стиля. <...> Сентиментальное и намеренно примитивное <...> передано при помощи напряженно-растущей интонации» [12, с. 316]. Так, описывая терзания Оливии, О. Голдсмит снова прерывает описание назидательной историей о Матильде, горькая судьба которой завершилась торжеством добродетели. Примроз, как истинный священник, уповает на веру в то, что в счастье, которое возможно, когда «любовь, дружба и сознание исполненного долга едины»⁴² (Перевод наш. – А.З). Однако его приободряющая история ничто по сравнению с терзаниями сердца девушки, которая уклонилась от праведного пути, поглощенная виной и негодованием. И уже как будто ничто не в состоянии преодолеть печаль Оливии, и даже история Примроза оказывается здесь не только бездейственной, но и слишком наивной и неуместной. Романс «малышки Ливви» передает три стадии её переживаний, таких как осознание своей виновности, отчаянье, которое затем превращается в раскаенье. В отличие от баллады Берчелла, тоже по своему содержанию лирической, песня Оливии не сулит будущего и не предполагает счастливой развязки. На время, когда действие романа приобретает трагический оборот, можно даже поверить в происходящие события, а песенка, с её размышлениями о смерти и потери смысла жизни, начинает истолковываться как пророчество о гибели героини. Образ жизнерадостной, темпераментной и самонадеянной кокетки вдруг приобретает оттенок бессилия и безнадежности. Трогательные слова её песенки: «Единственный способ оправдать её вину, Чтобы скрыть её позор от всех глаз. Чтобы раска-

⁴⁰ «we [Primrose] might hold up our heads with the best of them» [13, p. 17].

⁴¹ «<...> how little is to be got by attempts to impose upon the world, in coping with our betters. <...> nequal combinations are always disadvantageous to the weaker side: the rich having the pleasure, and the poor the inconveniencies that result from them» [13, p. 35].

⁴² «love, friendship and duty could confer on each, were united» [13, p.70].

ялся её любимый, <...> И терзать его сердце, – это умереть»⁴³ (Перевод наш. – А.З.), накладывают поэтический отблеск на её речи, облагораживают её облик и осуждение сменяется сочувствием. Повествующая о несчастной любви мелодия, проникнутая печальным, меланхолическим пафосом, приобретает сильную эмоциональность и лиричность, выдержанную в форме обращения «Какие чары могут развеять её печаль? Какое ремесло может смыть её вину?»⁴⁴ (Перевод наш. – А.З.). Обращаясь, таким образом, к чувствам и воображению читателя, О. Голдсмит устами своей героини, побуждает склониться на её сторону и разделить с ней её скорбь.

Из общего сюжета выбиваются приключения «странствующего философа» Дж. Примроза. Юноша, воспитанный на проповедях отца, в уединённой «республике» (так называет свою семью Чарльз Примроз), в которой «ни о каких переменах не помышляли, тягостных забот не ведали, и все наши приключения совершались подле камина, а путешествия ограничивались переселением из летних спален в зимние...»⁴⁵ [4, с. 383]. Джордж попадает в Лондон XVIII века с царящей в нём лезтью, алчностью, равнодушием, где ему приходится скитаться в поисках куска хлеба, претерпевая постоянные неудачи. Резко отрицательное изображение социальной действительности соединяется с ироническим изображением человека, всю жизнь воспитывавшегося в атмосфере добропорядочности и нравственности и пытающегося найти своё место в этой действительности. Однако все попытки бесхитростного по своей природе Джорджа ужиться с таким обществом, заканчиваются провалом, и только преумножают его неудачи. Несмотря на то, что Голдсмит противопоставляет патриархальную чистоту сельских нравов испорченности города и большого света, он одновременно посмеивается над патриархальной ограниченностью этого «скромного домашнего очага». Б.А. Кузьмин по этому поводу отмечает: «Голдсмит показывает, как люди с чувствительным и добрым сердцем попадают впросак, когда пытаются действовать в мире, построенном на лжи и корысти; они оказываются непрактичными чудаками и вызывают у читателя улыбку, не лишённую сочувствия» [7, с. 21].

Важная роль в романе «Векфильдский священник» принадлежит самому автору, он даёт о себе знать на протяжении всего повествования. Если вернуться к исследованию Б. Эйхенбаума и сопоставить собственную речь Н.В. Гоголя и собственную речь О. Голдсмита можно увидеть различия. Тогда как «в «Шинели» сказ этот стилизован под особого рода небрежную, наивную болтовню» [12, с. 318], сказ О. Голдсмита стилизован под назидательную проповедь. Несмотря на то, что в сюжете «Векфильдского священника» преобладает назидательность и морализаторство, на фоне такого сюжета показана судьба людей, которые обладают привычкой смотреть на всё сквозь призму добродетели, чрезмерной наивностью и верой в лучшее начало человека. Поведение таких персонажей приводит их к падениям и показывает, что им самим не всегда удаётся вести себя так, как диктуют их же собственные убеждения. О. Голдсмит во многом создаёт не просто роман, а отменную сатиру. Сатира эта показывает, что христианские заповеди не совместимы с безнравственным обществом. Как раз таки эта сатира и одержимые своими «коньками» герои создают комизм в произведении. Автор не замыкает сюжет романа в рамках сплошной проповеди. В его задачи входит не только преподать урок, но ещё и развлечь или даже вызвать сочувствие читателя.

Применяя теорию Б.М. Эйхенбаума, можно проследить, как к комическому сказу, завуалированному под морализаторство, присоединяются вставные элементы, и, таким образом, О. Голдсмит создаёт «сложный «лабиринт сплетений»» [12, с. 311] различных стилей. Динамизм сюжета, таким образом, строится не только на смене событий, в которые попадают герои, но и на эмоциональной окраске этих событий. Из сказанного следует вывод, что на фоне постоянных наставлений и душевспасительных речей доктора Примроза, вставные эпизоды, отличающиеся от них по своей стилистике, заставляют внимание читателя постоянно работать и переключаться, то отвлекая, то снова возвращая его в привычную атмосферу повествования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алилова, Д.Г. Поэзия Оливера Голдсмита : (Проблемы метода и жанра) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.05 / ЛГУ; Д.Г. Алилова. – Л., 1991. – 15 с.
2. Аникст, А.А. История английской литературы / А.А. Аникст. – М. : Госуд. уч.-педагог. изд-во министерства просвещения РСФСР, 1956. – 474 с.
3. Артамонов, С.Д. История зарубежной литературы XVII-XVIII вв. / С.Д. Артамонов, З.Т. Гражданская, Р.М. Самарин. – М. : Просвещение, 1967. – 855 с.

⁴³ «The only art her guilt to cover, To hide her shame from every eye. To give repentance, <...> And wring his [lover] bosom is, – to die» [13, p. 71].

⁴⁴ «What charm can soothe her melancholy? What art can wash her guilt away» [13 p.71].

⁴⁵ «We had no revolutions to fear, nor fatigues to undegro; all our adventures were by the fire-side, and all our migrations from the blue bed to be brown» [13, p. 7].

4. Смоллет, Т. Голдсмит, О. Путешествие Хамфри Клинкера. Векфильдский священник. – М. : Худож. лит., 1972. – 567 с. – (Серия : БВЛ. Т. 60).
5. Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения: Энциклопедический путеводитель [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://цгнии.инионран.рф/archives/136#_ftn19. – Дата доступа: 23.04.2019.
6. Елистратова, А.А. Английский роман эпохи Просвещения / А.А. Елистратова; АН СССР. Ин-т мировой лит-ры им. А.М. Горького. – М. : Наука, 1966. – 472 с.
7. Кузьмин, Б.А. О Голдсмите, о Байроне, о Блоке... Статьи о литературе / Б.А. Кузьмин; сост., подгот. текста Н. Галь и Э. Кузьминой. – М. : Худож. лит., 1977. – 312 с.
8. Куприянова, Е.С. Поэтика романа «Векфильдский священник» в контексте развития английской прозы первой половины XVIII в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.05 / Е.С. Куприянова. – СПб, 1997. – 17 с.
9. Гаспаров, М.Л. Элегия / М.Л. Гаспаров // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина; ИНИОН РАН. – М.: Интелвак, 2001. – Стб. 1228.
10. Плавский, З.И. История зарубежной литературы XVIII века: Учеб. для филол. спец. вузов / З.И. Плавский, А.В. Белобратов, Е.М. Апенко [и др.] ; под ред. З.И. Плавской. – М. : Высш. шк., 1991. – 335 с.
11. Сюжет в художественной системе литературного произведения [Электронный ресурс] / Л.С. Левитан, Л.М. Цилевич; Даугавпилс. пед. ин-т. – Рига: Зинатне, 1990. – Режим доступа: <http://topuch.ru/syujet-v-hudojestvennoj-sisteme-literaturnogo-proizvedeniya/index3.html#pages>. – Дата доступа: 19.02.2019.
12. Эйхенбаум, Б.М. О прозе. Сборник статей / Б.М. Эйхенбаум. – Л. : Худож. лит., 1969. – 502 с.
13. Goldsmith, O. The Vicar of Wakefield : The Vicar of Wakefield. Plays and Poems / O. Goldsmith; ed. by G. Routledge. – New York : Morley's Univ. Library, 1886. – 260 p.